

8




РГДБ
2018
Борис Раевский
Дед Матвей
Художник Б. Шахов
Производство студии „Диафильм", 1959 г.

Это случилось почти пятьдесят лет назад. В Петербурге выходила большевистская газета „Правда“, руководимая Лениным из-за границы. Жандармы, полиция и цензура жестоко преследовали газету. За малейшее вольное слово её штрафовали, конфисковали, т. е. забирали весь тираж и уничтожали. Много раз „Правду“ даже закрывали, а сотрудников сажали в тюрьму.

И всё-таки „Правда“ продолжала выходить и по-прежнему звала рабочих на борьбу с царизмом.



Курьером в редакции „Правды" работал Толька – вихрастый мальчишка, шустрый и смышлёный.



4

Толька пулей летал по лестницам: носил рукописи с четвёртого этажа – из редакции на первый – в типографию, а оттуда доставлял наверх длинные серые бумажные полосы – гранки.



Главная обязанность Тольки – ежедневно рано утром, часов в шесть, доставлять свежий номер газеты в цензуру на просмотр.



Все в редакции любили и как могли баловали Тольку. Особенно привязался к нему Николай Гурьевич Полетаев, один из организаторов „Правды“.



Каково же было общее удивление, когда однажды Николай Гурьевич сказал: „Надо заменить мальчишку. Не подходит..."



–„Как не подходит? – удивились сотрудники. – Чем Толя проштрафился?" – „Слишком шустрый. Пошлёшь куда: момент – и готово! А это плохо".



Полетаев закурил и рассказал товарищам свой замысел. План всем понравился. Жалко лишь увольнять ни в чём не повинного Тольку.



На двери типографии появилось объявление.



Наниматься приходило много пареньков, здоровых, быстрых, но Николай Гурьевич никого на работу не брал. – „И чего ему надо?" – удивлялись люди.



12

Как-то пришёл пожилой мужчина, лет пятидесяти. С ним Николай Гурьевич поговорил подробнее, но на работу тоже не взял. „Молод всё-таки", – подумал он.

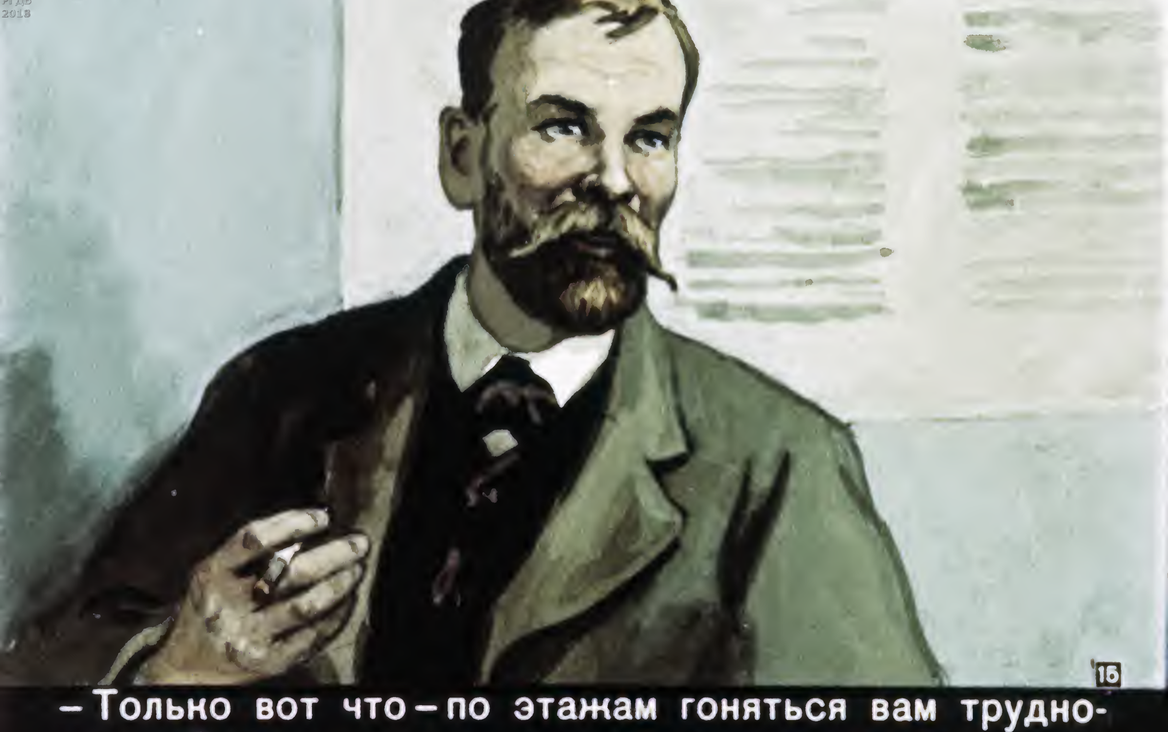


13

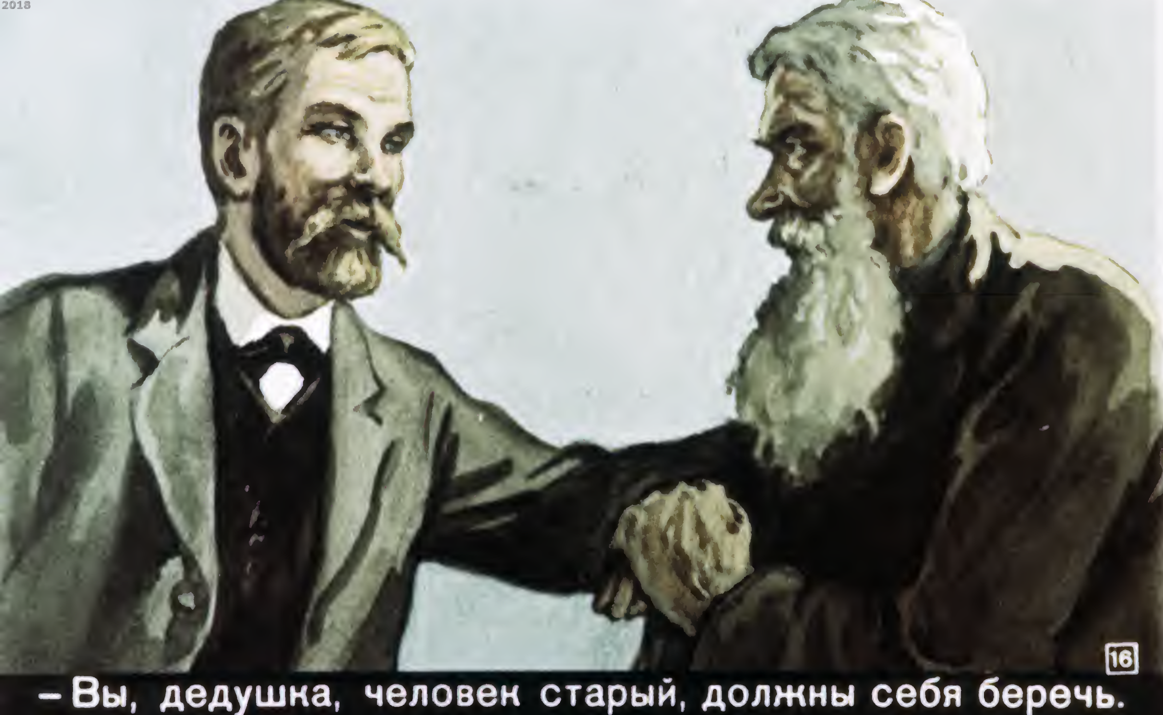
Однажды в редакцию, постукивая толстой суковатой палкой, ввалился дед Матвей. – „Это от вас бумажка прилеплена? Насчёт кульера?..“ – прошамкал старик.



–„А вам сколько лет, дедушка?“ – спросил Николай Гурьевич. – „Семьдесят второй пошёл...“ – „Берём, берём! – обрадовался Полетаев. – Вы нам как раз подходите“.



– Только вот что – по этажам гоняться вам трудновато. Для этого дела мы оставим своего парнишку. А у вас будет одно дело – утром относить газету в цензуру.



16

– Вы, дедушка, человек старый, должны себя беречь. Вот завтра в шесть утра понесёте газету в цензуру. Хоть и недалеко, а спешить не следует. Пройдёте шагов сто – отдохните, на лавочке посидите, покурите.

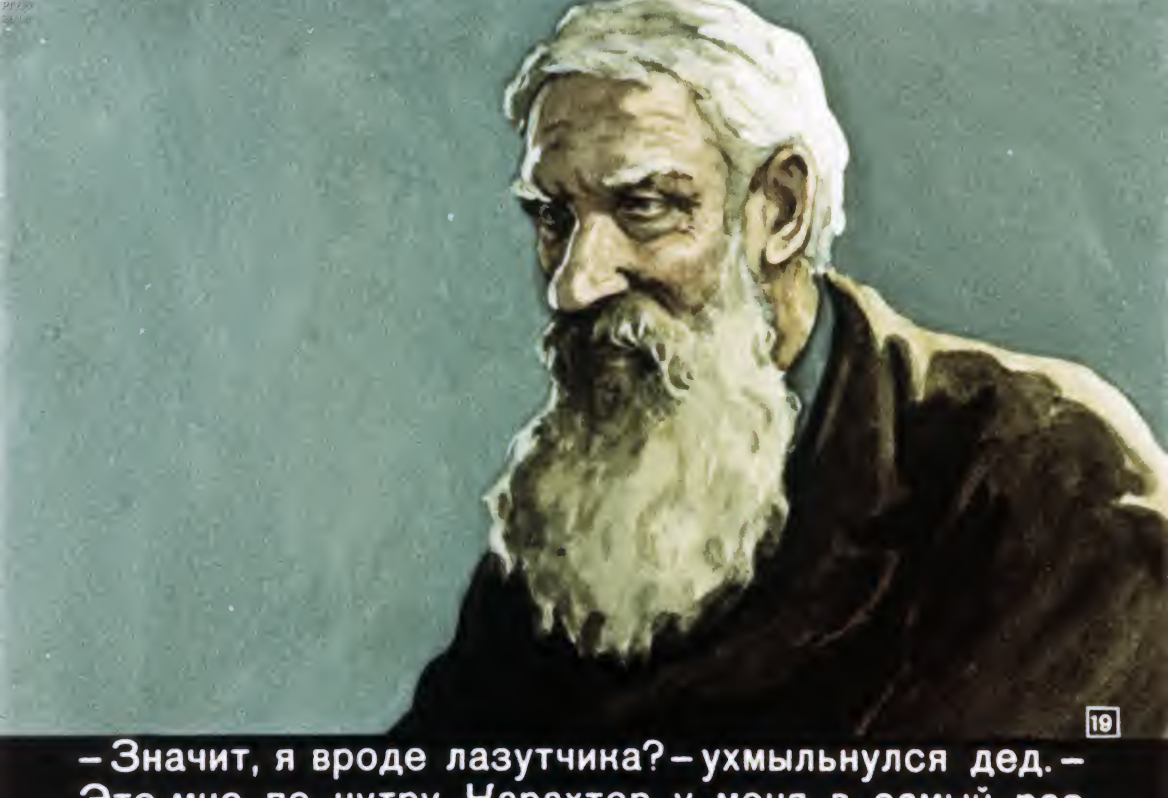


– Чудно́! – сказал дед. – Завсегда хозяева торопят, а тута наоборот: тпрру! Стар я, что ль? Чегой-то в толк не возьму, – к чему эти манёвры?



18

Полетаев пристально поглядел на старика: „Видишь ли, дедушка, у нас газета рабочая. Воюем мы за рабочее дело. Вот и приходится хитрить".–И Николай Гурьевич подробно объяснил свой план.



– Значит, я вроде лазутчика? – ухмыльнулся дед. – Это мне по нутру. Карахтер у меня в самый раз такой. Исполню комедию в наилучшем виде.



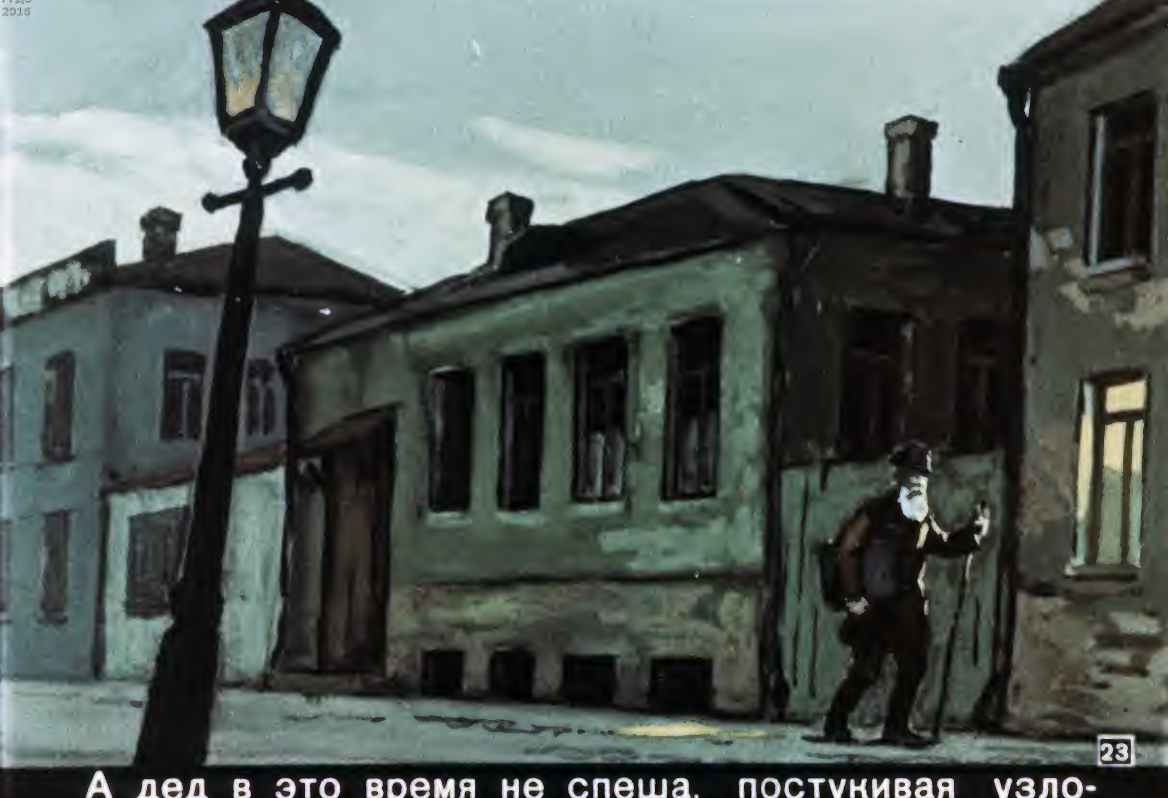
Печатную машину в типографии пускали в шесть утра. Заведующий типографией, очень недовольный тем, что ему приходится печатать большевистскую газету, брал первый экземпляр „Правды“ и говорил деду Матвею: „В цензуру! Быстро!“



– Не горит! Успеешь! Так я тебе и разбежался, – помня наказ Полетаева, бурчал себе в бороду дед Матвей и неторопливо выходил на улицу.



Машина продолжала печатать. Возле неё быстро росла гора свежих газет. Вот раздался звонок — это машина отметила выпуск тысячи экземпляров. Вот на счётчике уже мелькнуло „3700".



А дед в это время не спеша, постукивая узловатой палкой, вышагивал по пустынной улице.



24

По пути дед останавливался побеседовать со знакомым дворником. Поговорив о погоде, о солдатской службе – дед когда-то был лихим służbой воякой,– он шагал дальше.



26

Дойдя до ночного трактира, дед заходил туда, прополаскивал горло чайком. Отдохнёт – дальше идёт...



26

А в это время цензор, надрываясь, кричал: „Где „Правда“? Половина восьмого, все газеты прошли просмотр, а „Правды“ всё нет!“



Заведующий типографией молчал. Ну, что он мог сказать? Постоянно скандал с этой „Правдой". Отказаться бы, не печатать её совсем. Но хозяин типографии жаден, разве он откажется от лишних денег.



– Извините, – говорил заведующий. – Я сам, собственноручно, отправил к вам первый экземпляр. В шесть утра, как положено. Только вот курьер у „Правды" старый, немощный... Наверное, всё ещё плетётся...



Вскоре дед Матвей, нарочно громко кряхтя и охая, входил в большую комнату Цензурного комитета.



30

–„Что, дед, гулял?" – спрашивал цензор, сердито вырывая у него из рук „Правду". –„Одышка треклятая одолела, – винился дед. – В грудях, как насос – пых-пых. А ноги – так и гудут..."



31

Цензор, взяв красный карандаш, принимался читать газету. А дед тихонько опускался на стул.



32

–„Здесь, дед, сидеть не положено, – говорил цензор. – Сдал газету и шагай". –„Сей секунд, сей секунд поплетусь, ваше благородие, – почтительно бормотал дед. – Вот только отдышусь маленько..."

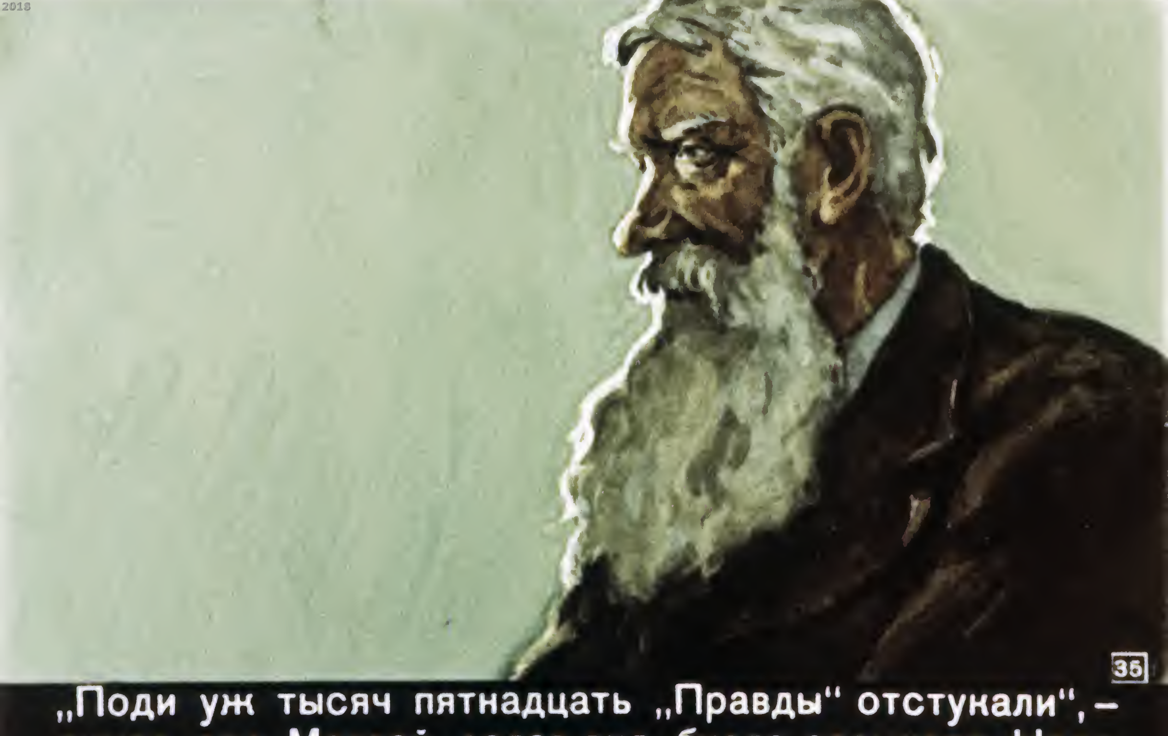


33

А в типографии не теряли ни минуты. Пришедшие спозаранку с фабрик и заводов рабочие спешно паковали „Правду“ в тюки и уносили в разные концы города.



Несколько человек быстро и ловко заклеивали пачки газет и доставляли их на почту. Эти бандероли пойдут в Москву и Харьков, Екатеринослав и Баку...



35

„Поди уж тысяч пятнадцать „Правды" отстукали", – думал дед Матвей, делая вид, будто отдыхает. Надо дождаться, когда цензор окончит чтение и отложит газету. Тогда можно будет возвращаться в редакцию.



Но часто бывало и так: не дочитав газету, цензор вскакивал и бежал к телефону: „Это участок? Господин пристав? Прошу вас немедля пройти на Ивановскую..."



Дальше дед не слушал. Ещё минуту назад казавшийся хворым и немощным, он выскакивал из комнаты и чуть не бегом спускался по лестнице.



На улице останавливал извозчика и, вскочив в пролётку, кричал: „Гони! Скорей, скорей!"



В редакции были в любую минуту готовы к налёту полиции. Когда дед отправлялся в цензуру, возле ворот типографии ставился „дозорный" – Толька.



Едва пролётка появлялась на Ивановской – Толька бросался в типографию. – „Тревога! – кричал он. – Дед скачет!“ – Было условлено: если дед возвращается на извозчике, значит, жди полицию.



41

Возле печатной машины оставалось ещё тысячи три экземпляров „Правды“. Рабочие с заводов торопливо хватали пачки газет и выбегали на улицу...



42

Минут через пятнадцать в типографии появлялся пристав с полицейскими. Возле печатной машины они находили лишь тощие стопки газет – штук сорок.



–„Где остальные? – сердито кричал пристав. – Приказано уничтожить весь тираж...“ –„Остальные пятнадцать с половиной тысяч газет уже распроданы“, – отвечал Николай Гурьевич.



– Уже распроданы! – зло передразнивал пристав. – Ловко у вас получается! Когда ни приедешь конфисковать – фьють! Нет газет! Прямо фокусники, ей-богу!



Дед Матвей сидел в углу и ухмылялся в бороду.
–„А ты не конхискуй,– бормотал он.– Люди пишут, а он – под нож! „Правду" – и на-ко, под нож! Шалишь, милай,– правду от обчества не утаить..."

КОНЕЦ

Редактор Л. Гуревич
Художественный редактор А. Морозов



Студия „Диафильм“
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Д-391-59